

Александра Пиир

Благоустройство и «образцовый быт» ленинградских дворов: диалог властей и жильцов

Благоустройство как одно из необходимых условий жизнеобеспечения — область чрезвычайно широкая. В городском жилищном строительстве та часть благоустройства, которая считается наиболее обязательной, включает инженерную подготовку территории, дорожные сети, устройство водо- и газопровода, канализации, обеспечение тепло- и электроснабжения, утилизации отходов и многое другое. Если говорить собственно о дворах, то к этой сфере относились прежде всего хозяйственно-бытовые объекты и мероприятия. В дореволюционную эпоху, когда складывалась преобладавшая в Ленинграде до конца 1950-х гг. жилая застройка доходными домами, дворовое благоустройство включало сооружение помоек и выгребов канализации, отхожих мест, колодцев и водопроводных колонок, дровяных и каретных сараев, прачечных; устройство подъездов и подходов к лестницам, мощение, если нужно — дренаж; после строительства городского водопровода и канализации, а позже, в советское время, газопровода и теплосетей — проведение их отводов в дом и пр. Все эти виды благоустройства должны были обеспечивать бытовые нужды и создавать удобство жильцам. Помимо них существовали и менее обязательные — например, устройство до дворе

Александра Михайловна Пиир
Музей антропологии
и этнографии
(Кунсткамера) РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
alexandra.piir@gmail.com

садика, детской площадки, сооружение скамеек и пр., имевшее досуговую и эстетическую функции. Надо заметить, что в градостроительстве и коммунальном хозяйстве благоустройство как комплекс мероприятий не делилось на ориентированное на бытовые нужды и досуг¹. К тому же основным значением, которое придавалось садикам и детским площадкам, была *польза*, в первую очередь для здоровья, и, несомненно, эту цель преследовало и «хозяйственно-бытовое» благоустройство. Вместе с тем в 1920–1960-е гг. под *благоустройством дворов* постепенно стало пониматься освобождение от хозяйственных объектов, устройство площадок и озеленения. Причем к санитарным и эстетическим требованиям подключался идеологический контекст — благоустроенный двор должен был соответствовать *новому быту* и *новому советскому человеку*. Истории этой «борьбы за благоустройство» и посвящена данная статья.

Одним из больных вопросов городского быта и санитарии с середины XIX в. считались дворы доходных домов. Сам этот тип жилья в эпоху его строительства характеризуется современниками не иначе как зло и беда больших индустриальных городов, и особенно Петербурга, превзошедшего прочие своими огромными «наемными казармами». Помимо писателей и публицистов с 1870-х гг. вклад в формирование общественного дискурса о доходных домах и дворах вносили санитарные врачи. С конца XIX в. такие публикации множатся, источником болезней и преждевременной смерти горожан в них называют лишенные «проветривания» дворы. «Сжатый строениями» воздух здесь застаивается, пропитывается миазмами помойных ям и ватерклозетов, а затем распространяется в жилища, неся заразу и порождая эпидемии². Неутешительные результаты осмотров медицинской полицией и городскими врачами³, общее осуждение «высоких домов» и многочисленные предложения по улучшению санитарной обстановки в Петербурге (и больших городах вообще), достигая столичного градоначальства, приводили главным образом к ужесточению требований к домовладельцам по содержанию и очистке помоек⁴, выгребов,

¹ Помимо деления по видам (водопровод, канализация, озеленение и пр.) и местам (уличное, квартальное и пр.) различают «внешнее/наружное благоустройство» и «внутренние коммуникации», но это не связано с функциями: и садик, и помойка относятся к первому, а канализационные трубы — ко второму, поскольку проложены в стенах зданий и под землей.

² См., например, публикации: [В-ов 1908; Протапопов 1910: 1393; Р. 1911; Пажитнов 1914: 55–57]. В России, как и в Европе, была распространена миазматическая теория возникновения болезней (от др.-греч. *μίασμα* ‘загрязнение, скверна’).

³ В том числе, проводившихся по распоряжению столичного градоначальства [Клейгельс 1897].

⁴ В 1915 г. в Петрограде ввели баковую систему очистки с разделением сухого мусора и помоев; помойные ямы были запрещены [Домовладелец 1915: 66, 75], однако продолжали существовать и в советское время.

дворовых туалетов и самих дворов, а также технического оборудования дома, подсобных помещений и т.д.

Таким образом, благоустройство городских дворов рассматривалось с точки зрения санитарии и улучшения состояния жилищ, что вполне соответствовало прагматике этого пространства. В официальных документах, регламентировавших строительство и быт доходных домов, дворам придавалось исключительно утилитарное значение — служить для сообщения дворовых флигелей с улицей и для отправления хозяйственных нужд. Вместе с тем благоустройство дворов, направленное на улучшение санитарного состояния и «удобство», сказывалось и на эстетической стороне. С конца XIX в. в Петербурге «г.г. Пристава обязаны рекомендовать г.г. домовладельцам, в интересах предоставления жильцам возможных удобств сообщения по двору, во дворах с булыжною мостовою асфальтировать проходы от ворот к лестницам, а на широких дворах советовать сажать деревья, что было бы полезно для целей санитарных и в то же время могло бы служить украшением двора» [Алфавитный сборник 1902: 151] (приказы за 1891 г. № 247 и 1896 г. № 211). Судя по воспоминаниям современников, в эти годы действительно распространился «обычай разводить на дворах небольшие садики, если для этого найдется свободное местечко» [Светлов 1998: 50].

На рубеже веков в Петербурге появляются доходные дома с благоустроенными парадными дворами, в центре которых мог находиться сквер со скамейками и пр. Наличие парадного двора фактически увеличивало протяженность уличного фасада дома, и выходящие в такой двор квартиры тоже считались «барскими». Соответственно, в этом случае целесообразность благоустройства одного или нескольких дворов домовладения определялась экономическими интересами — ориентацией на состоятельных жильцов.

Между тем в обществе нарастает обеспокоенность условиями жизни в городах, в первую очередь — малоимущих слоев населения. С конца 1860-х гг. в Петербурге и других больших городах начинают проводиться обследования жилищ рабочих и ночлежных домов, и с этого времени до 1910-х гг. выходит немало публикаций, в которых представлены удручающие результаты таких осмотров и/или предлагаются пути преодоления жилищного кризиса¹. На этом фоне с первых лет XX в. в России, как и в Европе, приобретают популярность идеи Эбинизера Ховарда (Ebenezer Howard), автора концепции

¹ О ситуации в Петербурге/Петрограде и методах ее решения см., например: [Эрисман 1880; Покровская 1895а; 1895б; 1897; 1903; Герценштейн 1898; Рубель 1899; Суворин 1915].

«города-сада», и его последователей¹. Функционирующее на основе самоуправления поселение на 30–50 тысяч жителей, с малоэтажными домами и большим количеством зелени, виделось решением острого жилищного вопроса, социальных и санитарных проблем индустриальных городов. Приверженцы этих идей, в том числе архитекторы, выступали также за создание «поселков-садов» и «предместий-садов», которые должны были «разгрузить» большие города. В России с начала 1910-х гг. эта тема активно обсуждалась в архитектурной среде и периодической печати. Реализацией схемы «города-сада» становятся дачные и курортные поселки и городки для рабочих заводов, фабрик, железных дорог, рудников². В частности, под Петербургом были построены три таких поселения: за Нарвской заставой, в Сосновке за Лесным проспектом и в районе Полюстровского и Безбородкинского³ проспектов [Хроника 1913].

Идеологи и создатели этих социальных проектов видели основной задачей «правильное решение жилищной проблемы, то есть предупреждение такой скученности населения, которая губельна для его здоровья. <...> Поэтому безусловно воспрещается постройка многоэтажных домов с массой квартир и вообще должна быть уничтожена эксплуатация человека человеком в жилищной нужде» [Баранова 2005]⁴. Показательны и названия некоторых публикаций русских авторов: «Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем» [Дадонов 1913]. Как и можно было ожидать, в послереволюционные годы идея города-сада становится отправной точкой для формирования принципов советского градостроительства. В 1919 г. Комиссия градостроительства Петросовета сформулировала это вполне отчетливо: «Комиссариат городского хозяйства <...> вступил на путь воссоздания будущего Петрограда, причем руководящей мыслью является стремление приблизить столицу к идеальному типу “города-сада”» (цит. по: [Яницкий 1987: 26]). На это же была ориентирована программа

¹ На русском языке книга Ховарда “Garden Cities of Tomorrow” (L., 1902) вышла в 1911 г. [Гоуард 1911]; еще раньше появились публикации в журналах «Зодчий» и «Городское дело», пропагандировавшие его идеи и английские примеры их реализации. В 1913 г. была создана Международная федерация городов-садов и городской планировки (International Garden-Cities and Town Planning Federation), куда вступила и Россия. В том же году в Петербурге было организовано «Русское общество городов-садов» [Устав 1914].

² См. о «городах-садах», например: [Борисова, Каждан 1971: 71–75; Яницкий 1987: 15–33; Меерович 2007].

³ Название до 1918 г., ныне — Кондратьевский проспект.

⁴ Из анкеты для желающих поселиться в городе-саде, распространявшейся в сентябре 1917 г. среди жителей сильно пострадавшего от пожара Барнаула, которую цитирует в своей работе барнаульская школьница со ссылкой на Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 10. Л. 154).

«Большого Петрограда», разрабатывавшаяся с 1920 г. архитектурной мастерской И.А. Фомина при Совете по урегулированию плана г. Петрограда и его окраин. И хотя с конца 1920-х гг. идею «города-сада» отвергли как несоответствующую советским установкам¹, многие ее принципы были восприняты и использовались, в том числе, при социалистической реконструкции городов и разработке микрорайонной структуры².

О возможности ориентироваться на схему «города-сада» при планировке жилого квартала еще в 1916 г. писал архитектор Г.П. Ковалевский: «При уменьшении размеров предместья-сада до нескольких кварталов или одного квартала, последний может быть назван кварталом-садом» [Ковалевский 1916: 19]. Когда спустя несколько лет советские архитекторы начали разрабатывать схему нового жилого квартала, они использовали ряд принципов организации «города-сада», таких как застройка по единому плану, комплексное бытовое обслуживание, большое количество зелени, высокая степень благоустройства и т.д. От индивидуального жилья, разумеется, отказались, но первые жилые дома в Ленинграде, действительно, были малоэтажными. И в целом жилищное строительство ведется преимущественно не отдельными зданиями, а кварталами, которые называют жилмассивами или рабочими (студенческими и т.д.) городками³. Большинство из них имеет периметральную застройку и просторные зеленые дворы⁴.

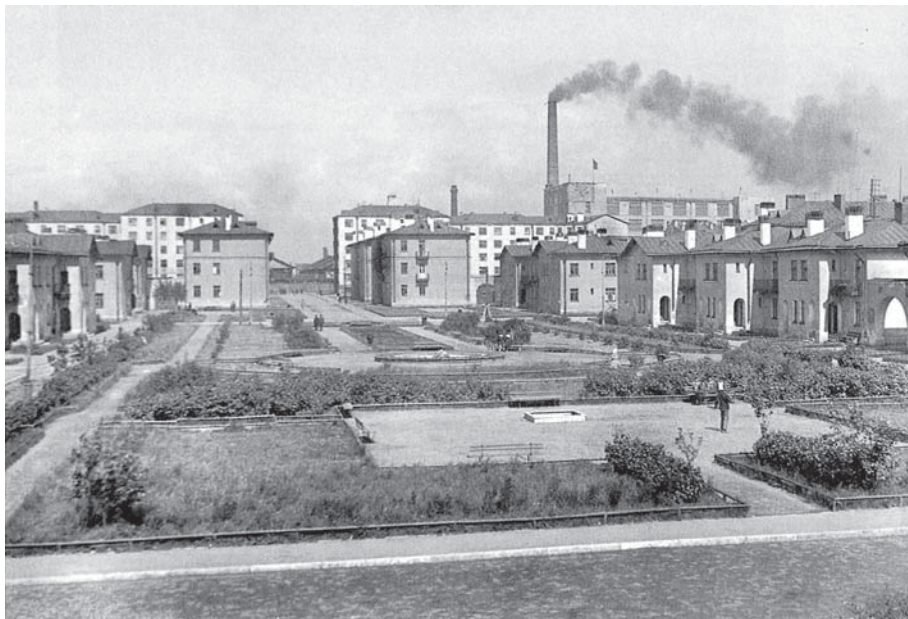
Разумеется, создатели нового социалистического быта (не только представители власти, но и воплощавшие идеи «города-сада» архитекторы) осознавали себя не преемниками дореволюционных традиций, а творцами новых. Благоустроенные кварталы, где помимо жилых домов размещались школы, детские сады, ясли, прачечные, столовые, магазины, бытовые мастерские и т.д., а в просторных и светлых дворах — сады, детские и физкультурные площадки, виделись советской альтернативой доходным домам с мрачными дворами-колодцами

¹ Главным образом из-за принципа «одна семья — индивидуальное жилище», который сочли утопическим и отражающим «буржуазный индивидуализм». Советским преемником «города-сада», а с точки зрения властей и архитекторов — альтернативой, стал «зеленый город-здравница».

² Вообще преемников-альтернатив у «города-сада» было немало, например, «лучезарный город» Ле Корбюзье (“la ville radieuse”) с гиперурбанизированным центром и дезурбанизированными жилыми районами-садами.

³ По генплану Ленинграда 1935 г. жилмассивы являлись основными элементами жилой застройки города.

⁴ Не имел дворов первый ленинградский жилмассив на Тракторной улице (Нарвская застава, 1925–1927 гг., арх. А.И. Гегелло, А.С. Никольский, Г.А. Симонов), который затем нередко приводили в качестве примера «неправильной» планировки.

Палевский жилмассив на пр. Елизарова (Невская застава, 1925–1928 гг., арх. А.И. Зазерский, Н.Ф. Рыбин). Фотография 1939 г. из кн.: [Кириков, Штиглиц 2008: 137]

и баракам рабочих окраин¹. Помимо нового быта и эстетики жилмассивы воплощали идею полезного и здорового досуга, которого в тяжелую эпоху царизма трудящиеся были лишены. Именно благоустройство, избавление (хотя бы частичное) от хозяйственной составляющей и организация мест досуга считались главными признаками советских жилых кварталов, и именно они должны были превратить старые дворы в «новые».

В отличие от капиталистического строя, где в основе лежит право собственности на землю, в городах социалистического государства, где право собственности на землю отменено, первой ячейкой городского благоустройства должен быть не отдельный дворовый участок, а квартал. <...> В кварталах уже застроенных необходимо при перепланировке обдумать, как использовать пустыри для освежения и освещения существующих зданий пробивкой окон в щипцовых стенах, а также для образования

¹ В реальности благоустройство новостроек первое время часто бывало хуже, чем в центре. Автор публикации в «Коммунальном деле» за 1928 г. сетует, что «новое жилищное строительство в Ленинграде производится большей частью за чертой города, где нет мостовых, канализаций, водопровода, трамвая и др. видов городского благоустройства, как бани, школы, библиотеки и пр. Пока все это будет устроено, жители новых домов, рабочие будут терпеть большие лишения» [Шафран 1928: 96].

на пустых местах кварталов скверов, детских и спортивных площадок. <...> Нецелесообразно, чтобы при каждом доме квартала были отдельные прачешные, конюшни, сараи, выгребные ямы и т.д. Необходимо объединять эти хозяйственные устройства, выносом их в одно место, чтобы они не заражали воздуха и не нарушали благоустройство квартала [Де-Плансон 1923: 48–49].

Циркуляр НКВД 1924 г. об участии санитарных органов в решении жилищных вопросов требовал «учесть целый ряд оздоровительных мероприятий, связанных с перепланировкой и переустройством населенных мест, как то: использование пустующих мест для зеленых насаждений, для площадок — детских, физкультуры и т.п.» [О совместной работе 1924]. Однако в Ленинграде «пустующих мест» в центральных районах находилось мало; а главное, создание новых кварталов на рабочих окраинах казалось более привлекательным, чем перепланировка старых (с разнородным контингентом жителей). В центре города власть скорее интересовала перераспределение жилья, управление домами, контроль над жильцами, сохранение жилого фонда, соблюдение минимальной санитарии и т.п. Кроме того, перенаселенность центральных районов (как следствие политики «уплотнения» и миграций в город) периодически достигала такого уровня, что в домах заселяли подвалы, прачечные, конюшни и другие подсобные помещения, а их содержимое выносили во дворы. В результате долгое время советский благоустроенный двор оставался принадлежностью преимущественно новых кварталов.

Помимо заданной структуры пространства (зоны активного и пассивного отдыха, детская, хозяйственная и т.д.) принципиальным отличием новых дворов была их *открытость*. До 1960-х гг. застройка жилых кварталов в Ленинграде была в основном периметральной, но с разрывами между зданиями, соответственно запирающихся ворот и калиток дворы не имели. Процитированный выше Виктор Де-Плансон, предлагая в центре города объединять по «15–20 отдельных дворовых мест и домов» в один квартал с 4–5 выходами на разные улицы, пытался опровергнуть возражения, что сносение заборов «облегчит для преступных элементов возможность проникать в дома для совершения краж» [Де-Плансон 1923: 50]. Тем не менее до конца 1950-х гг. такого объединения не произошло, и долгое время дома и дворы старой части города и новостроек жили в этом отношении разной жизнью. Постановления НКВД и Ленсовета обязывали управдомов и дворников запирать на ночь парадные, ворота и калитки во дворы, чтобы обезопасить жильцов от злоумышленников¹. В то же время новые

¹ См., например: [Инструкция 1924: 33; Положение 1938: 7; Положение 1941: 8; Об улучшении 1947: 10].

дома сдавали в эксплуатацию, врезав во все квартиры одинаковые замки, и при этом, по воспоминаниям жителей, парадные на ночь не запирались¹. Возникает впечатление, что в представлении властей «новое» пространство отличалось от «старого» не только физическими характеристиками и бытовыми практиками, но и людьми. Здесь не просто создавались новые условия жизни, а как бы уже существовали эталонные советский мир и советский человек. Открытость этого пространства, допускавшая легкое проникновение «чужого», компенсировалась его «прозрачностью», которая делала «чужое» явным, а следовательно безопасным.

К середине 1930-х гг. (и времени утверждения первого генплана Ленинграда 1935 г.) были разработаны приемы планировки и застройки жилых кварталов, и в разных районах города появился ряд жилмассивов². А в 1936 г. Научно-исследовательский институт коммунального хозяйства решил выяснить, как трудящиеся используют новые дворы на Лесном проспекте в двух благоустроенных кварталах — Текстильщиков и Батенинском. При наблюдении и подсчете обнаружилось, что в ясные и теплые сентябрьские дни на детских и физкультурных площадках и во дворах находится максимум 1,5 и 3 % взрослых, 7 и 10 % школьников и 40 % дошкольников³. Авторы публикации по материалам этого обследования решили, что взрослые почти не гуляют во дворах из-за того, что площадки для них недостаточно оборудованы. Рациональных объяснений малому числу школьников не нашлось, но предположение, что те могли уйти в соседние дворы, было отвергнуто, т.к. обследованные кварталы были самыми благоустроенными в округе [Бродович, Кругляков 1937: 23–24]. При этом искать жителей за пределами площадок не догадались, а зря — неподалеку находилось немало притягательных мест, особенно для подростков. Например, в Батенинском квартале был хозяйственный

¹ По материалам интервью так было в новом жилом комплексе между улицами Грота, Даля и Проф. Попова (1931 г., арх. Е.А. Левинсон); сами жители заменили замки только через несколько лет после въезда (СПб-01, ПФ-24, муж., 1929 г.р.). Впрочем, и в новых, и в старых домах входные двери многих коммунальных квартир в дневное время вообще не запирали. Что касается требования запирать на ночь парадные, то в новых кварталах для его выполнения нужно было решить техническую проблему входа и выхода жильцов. В старой застройке дворовые лестницы ночью оставались открытыми, соответственно из каждой квартиры можно было попасть во двор и постучать в дворницкую. С улицы к дворнику был проведен звонок. В новых домах запирать на ночь все выходы было рискованно как минимум из соображений пожарной безопасности. Поскольку иметь собственные ключи от парадной жильцам не полагалось, чтобы обеспечить возможность выхода в ночное время, необходимо было провести звонки в дворницкую с каждой лестницы нескольких корпусов. По-видимому, это не сочли нужным делать — и, несомненно, к лучшему, поскольку и в старой части города звонки часто были неисправны.

² Первая половина и середина 1930-х гг. — время активной разработки советского законодательства о планировке и реконструкции городов; см. об этом: [Косенкова 2010].

³ В кварталах Текстильщиков и Батенинском соответственно.

дворик с прачечной, котельной и углехранилищем [Кругляков 1939: 13, рис. 3], в непосредственной близости проходили железнодорожные пути, а с юга и востока кварталы окружала незастроенная зона с пустырями и огородами (где должна была проводить нерабочее время часть взрослых)¹. Более последовательными оказались сотрудники московского Центрального института коммунальной санитарии и гигиены, которые обследовали кварталы шести районов Москвы — поровну в старой и новой застройке. Материалы были собраны иначе: путем опроса работников домоуправлений, актива и части жильцов (что не позволяет их сравнивать с ленинградскими); из них следует, что в старых дворах гуляло 80 % юных москвичей в возрасте от 4 до 17 лет, а в новых — на 10 % меньше² [Зеленко 1938: 105]. Однако и в Ленинграде в те годы бурлила дворовая жизнь, но это не зависело от числа новых кварталов (очень небольшого) — дело было не в благоустройстве.

События первого послереволюционного десятилетия, кардинально изменившие повседневную жизнь города, не обошли и дворы. С одной стороны, наплыв в Петроград сельских и провинциальных жителей, а в центр города обитателей рабочих окраин принес несвойственные ему формы быта. С другой, и сами старожилы оказались вынуждены осваивать дворовые практики, в первую очередь хозяйственные, которые прежде были обязанностью дворника и прислуги (дровяные работы³, стирку в домовой прачечной и т.д.). С развитием коммунальных форм быта совместное выполнение хозяйственных дел и коллективное проживание личных ситуаций становятся для многих горожан обычными. В «Ленинградском каталоге» Даниила Гранина сплоченность дворового социума, кажущегося скорее деревенским, чем городским, основана именно на общности бытовых нужд и интересов:

¹ Судя по плану Ленинграда 1927 г., до начала строительства Батенинского и соседних кварталов (1930–1933 гг.) на этом месте была деревянная застройка и множество огородов; на плане 1939 г. к новому жилмассиву с юга и востока примыкает обширная территория, на которой обозначены «огороды или пустыри» [План 1927; План 1939]. Ср. описание жизни на другой рабочей окраине выходца из ярославской деревни, переехавшего в Ленинград в 1932 г.: «Дали мне квартиру, построил сарай, держал поросят, козу <...> Даже корову держал одно время <...> Ну, и работал, и по вечерам халтурил... А дома — сарай, пара поросят, коза, кроля... Катя-женушка, на ней двор, хозяйство <...> на двух работах я был. Свой огород под окошком, огород копал, сарай рядом, поросята, гуси, куры <...> Здесь у многих так было. И многие коров держали и поросят. <...> Волкова деревня. Где Волково кладбище было, Московский район — окраина... огороды огорожены...» [На корме времени 2000: 168].

² Судить о посещаемости дворов взрослыми по этим материалам довольно сложно, т.к. в них учитывались только активный и пассивный отдых и общественная работа во дворе; выполнение людьми повседневных хозяйственных нужд собиратели проигнорировали.

³ Согласно «Положению о дворниках и ночных сторожах» 1925 г., «колка, пилка и носка в квартиры дров в круг обязанностей дворника не входит» [Положение 1925: 132].

Двор составлял неотъемлемую часть жизни городского дома. Во дворе знали и обсуждали жильцов... Двор складывал мнение. Двор осуждал пьяниц и хулиганов, во двор приходили женщины жаловаться на своих мужей и детей... Наверно это держалось на том, что была некоторая общность дворовая: общая прачечная, в доме жили свои домовые дворники. Они правили двором. Двор соединял хозяйственными делами [Гранин 2003: 33].

При этом, будучи пространством наименее регламентированным (по сравнению с улицей и домом)¹, двор притягивал те формы быта, которые не подходили для публичной сферы («общественных мест») или попросту «не помещались» в пространстве перенаселенных коммунальных квартир. Этому способствовала не только зарегулированность советского публичного пространства, которому следовало быть *чистым* во всех смыслах, но и некоторые прямые предписания властей. Например, Ленсовет требовал отводить «соответствующие места при домах» для игр детей, чтобы не допускать их на улице [О предупреждении 1938]². Пребывание детей в публичных местах без контроля взрослых было чревато как хулиганством, так и травматизмом и называлось безнадзорностью. Двор, подобно улице, тоже таил опасность «дурного влияния», однако был лишен ее анонимности и считался общим пространством «коллектива жильцов»³. С середины 1920-х гг. власти упорно пытались не только благоустроить городские дворы, но и организовать детский досуг в домохозяйствах силами общественности. Впрочем, вполне безуспешно: часть горожан считала, что «дети из приличных семей во дворе не гуляют», но более общим было представление, что все происходящее во дворе и так находится под контролем дворника и жильцов дома (двор тем и хорош для игр детей, что не требует непосредственного

¹ Например, Президиум Ленсовета в постановлении 1934 г. «Об охране общественного порядка в гор. Ленинграде» требовал штрафовать в размере 3 рублей за такие проступки, как «произнесение бранных слов (ругань)», «распитие спиртных напитков» и «устройство азартных игр на улицах, в садах, парках, скверах и т.п.» [Об охране 1934]. В следующем году вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о необходимости «усилить борьбу против хулиганства на улицах со стороны детей и подростков» [О ликвидации 1935: 1] и циркуляр Наркомхоза и Наркомюста РСФСР «О борьбе с хулиганством в квартирах» [1935]. Дворы в подобных регламентациях прямо не упоминались, что представляло большую поведенческую вариативность в этом пространстве.

² См. многочисленные постановления Ленсовета 1930–1950-х гг., в которых также предписывалось организовывать детские площадки и комнаты при жактах с целью предупреждения хулиганства и безнадзорности детей: [О борьбе 1933; О мерах борьбы 1937: 3; О мероприятиях 1939: 9; О мерах 1944: 5; О неотложных мерах 1946: 9; Об усилении мер 1948: 8; Об укреплении 1949: 1; Об усилении мер 1950: 1; Об усилении борьбы 1952: 5; О мерах 1958: 10–11, 13–14] и др.

³ По-видимому, немалую роль в формировании представления о жителях дома как о едином сообществе (и их осознании себя таковыми — помимо трудных бытовых условий) сыграли постановления о жилищной кооперации 1920-х — начала 1930-х гг., вовлекавшие жильцов в совместное управление, содержание и ремонт своего дома, практика общих собраний жильцов и т.п.

присутствия взрослых). В результате «детская работа» если и велась, то главным образом на бумаге — ни средств, ни сил у жактов на нее не было. Вместе с тем как для городских властей, так и для самих жителей (в условиях всеобщей трудовой занятости) двор часто оказывался предпочтительным местом детского досуга.

И не только детского. В большинстве дворов сооружались лавочки, где проводили время, наблюдая за происходящим и обмениваясь новостями, пожилые жильцы и дворники, а деревянные сараи нередко использовались для разведения мелкой живности или голубей, как кладовки, мастерские и места мужского досуга, включавшего выпивку и другие бытовые практики, недопустимые или не приветствовавшиеся в публичном и домашнем пространстве. И в целом в эпоху острого жилищного кризиса двор служил территорией соседского общения. Большие дворы новостроек тоже были обитаемы, кроме площадок там обычно находилось еще что-то служившее средоточием интересов взрослых и детей: поленицы, сараи, стол доминошников, голубятни, гаражи, кочегарка, штабеля строительных материалов и т.д.

Таким образом, во дворе концентрировалось многое из того, чему по разным причинам не находилось места в другом социальном и физическом пространстве. При этом само наполнение дворовой жизни в каждом конкретном случае принимало иную конфигурацию в зависимости от контингента жильцов, различных характеристик пространства и прочих обстоятельств. Двор мог быть «большой дружной семьей» или «чужим и опасным миром», где верховодила шпана, а мог и пустовать — диапазон чрезвычайно велик. Главным представляется то, что пространство городских дворов, имевшее до революции достаточно очевидные прагматику, нормы и социальную привязку, в 1920-е гг. эту очевидность утратило, и его нужно было заново освоить — адаптировать к новым условиям и новым нуждам.

Одной из заинтересованных сторон были городские власти, которые стремились, во-первых, создать в жилых дворах пространство с заданными формами быта и досуга, достойными советского человека; а во-вторых, убрать из публичного пространства улицы во дворы те явления, которые ему не соответствовали, но еще не были изжиты в советском обществе. Публичность двора иного рода, чем улицы и других «общественных мест», где поведение горожан специально регулируется — она не «парадная» и не общегородская. В этом смысле двор более всего соответствует кухне в коммунальной квартире: в обоих случаях основное публичное пространство небольшого локального сообщества является непарадным, принадлежит хозяйственно-бытовой

сфере и выполняет функцию *буферной зоны* — сюда выносятся то, чему нет места в «чистом» приватном пространстве жилища. Эта функция двора реализуется и по отношению к улице. Фактически ее определял уже сам фасадный тип застройки города (по «красным линиям»), но наиболее очевидно она стала проявляться со времени массового строительства доходных домов, когда двор перестал быть приватным пространством одной семьи и, оставаясь частным владением, приобрел черты публичности. Формированию «буферной» функции двора в значительной степени способствовали предписания градоначальства, во-первых, прямо требовавшие убирать во дворы все относящиеся к области нечистого, а во-вторых, редко упоминавшие их в числе публичных мест, где запрещались те или иные практики и формы поведения. В советское время власти города, с одной стороны, сохраняют эту интенцию, а с другой, пытаются реализовать (и в конечном итоге реализуют) противоположную — сделать дворы публичным и фактически общегородским пространством. Логически эти две цели вступали в противоречие, однако первая осознавалась в качестве временной. Что касается второй, то помимо разработки планировок новых кварталов архитекторами и устройства отдельных детских площадок с воспитателями силами райисполкомов и РОНО¹ основная стратегия властей состояла в том, чтобы организовать жильцов, которые должны были превратить свои дворы в «очаги культуры»². Это считалось составляющей соревнований за «дом образцового быта», детской работы в жактах, деятельности квартально-уличных комитетов и т.п.

¹ РОНО предписывалось организовывать детские площадки на свободных местах «в садах, в скверах, на бульварах, во дворах отдельных домовладений» Циркуляром НКВД и Центрожилсоюза [Об участии 1930] и последующими аналогичными постановлениями. Площадки, где с детьми проводили игры, занятия и беседы профессиональные воспитатели, кормили обедом и т.д., во многом продолжали дореволюционную традицию [Нелюбов 1916; Поляхин 1916]; см. также в статье Катрионы Келли «Столица, двор, коммуналка: детский быт Санкт-Петербурга–Ленинграда первой половины XX века» [Келли 2004: 418–421].

² При этом в довоенных постановлениях о благоустройстве домохозяйств, работе управдомов и дворников устройство во дворах садиков и детских площадок не упоминается. Для работников жактов благоустройство дворов остается чисто утилитарным и неотделимым от санитарного состояния: наличие и исправность хозяйственных объектов (сарая, помоек, выгребов, дворовых уборных и т.п.), заборов и запирающихся на ночь ворот, а также своевременная уборка от мусора и снега, вывоз нечистот — собственно и все. О том же свидетельствуют архивные материалы гор- и райисполкомов, например, доклад Гороткомхоза 1929 г. «Благоустройство и санитарное состояние Ленинграда», протоколы заседаний Ленгорсовета о результатах смотров благоустройства города и др. [ЦГА. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 10. Л. 406–506; Ф. 7384. Оп. 18. Д. 993]. Зато требования организовывать в жактах детские площадки встречаются в постановлениях Ленсовета о детской работе; например, в 1936 г. Горжиларендсоюз должен был открыть к лету 540 таких площадок, «снабдив их необходимым физкультурным и игровым инвентарем» [Об организации 1936: 2], т.е. в среднем на каждый из 14 районов города приходилось по 38–39 площадок. Трудно сказать, насколько выполнялись эти требования, но, очевидно, некоторое число дворов и в старой застройке благоустраивалось силами городских и районных организаций; средства на площадки и озеленение выделялись небольшие — см., например: [ЦГА. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1414. Л. 111, 113, 116–119].

Другой стороной в процессе адаптации оказывались сами жители, и их стратегии были более многообразны: от стремления ограничиться выполнением необходимых хозяйственных нужд до активного использования двора. Здесь пересеклись интересы разных людей и групп: кому-то были важнее порядок и чистота, а кому-то отсутствие контроля и возможность проводить время как хочется. Работники домохозяйств и «домовой актив», как правило, разделяли позицию властей или хотя бы формально ее придерживались. Однако необходимость избежать лишних конфликтов обеспечивала соблюдение некоего баланса интересов жителей и администрации дома, порой в противовес официальной позиции.

Во второй половине 1940-х — 1950-е гг. этот процесс приобрел новую специфику. Во-первых, в результате борьбы с преступностью, хулиганством, нищенством и другими негативными явлениями послевоенных лет они отчасти переместились во дворы. А соответственно, дворы не могли не привлекать внимание властей как места локализации *нечистых, несоветских* форм поведения и практик (в диапазоне от *некультурных* до *преступных*). Во-вторых, послевоенный энтузиазм в восстановлении разрушенного Ленинграда вскоре был перенесен на новое строительство и благоустройство¹. При этом вновь стала актуальной идея формирования социалистического города, которому должны были соответствовать социалистические быт и досуг трудящихся. Особая роль в этом отводилась проведению газа и центрального отопления, которые должны были избавить горожан от дров², а также созданию мест для культурного отдыха и озеленению (носившему название «зеленое строительство»). Для самих жителей города полное или частичное избавление от дров (после войны газификация опережала теплоснабжение) сначала значило только освобождение сараев, которые на фоне жилищного кризиса стали активнее использоваться для прочих нужд и мужского досуга. Однако у властей были другие планы, реализация которых во многом возлагалась на общественные комиссии содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств.

С инициативой создания этих комиссий в августе 1945 г. выступил Ленсовет, а в 1948-м постановлением Совета Министров

¹ Вообще в это время страна охвачена идеей благоустройства городов и поселков. Выходит множество сборников «Благоустроим родной/наш город!» (или Томск, Свердловск и т.д.), в Москве, Ленинграде, Волгограде, Свердловске и др. выходят периодические сборники «Благоустройство городов», публикуются издания о благоустройстве колхозов и сел.

² В качестве временной меры и решения проблемы на территориях, куда не могли провести центральное отопление, после войны пытались использовать более компактное «твердое топливо»: уголь и торфяные брикеты [О переводе 1946; ЦГА. Ф. 7384. Оп. 26. Д. 214. Л. 110], однако широко распространения это не получило.

РСФСР успешный опыт Ленинграда было рекомендовано перенимать другим советским городам [Об организации 1945; О работе 1948; Постановление 1948]¹. Изначально целью этой кампании была мобилизация жителей для восстановления жилого фонда после войны — т.е. привлечение того ресурса, который использовала советская власть с первых лет своего существования, когда у нее не хватало средств. Проводить мобилизацию в порядке трудовой повинности, как во время войны, не годилось; тогда и решили вместо четырех специализированных комиссий при каждом домохозяйстве, созданных еще в 1938—1939 гг. и переставших существовать в блокаду², сделать одну, но побольше. На первых порах основной ее задачей было организовать жильцов, чтобы они своими силами³ восстановили техническое и санитарное состояние домохозяйства: отремонтировали крышу или водопровод, привели в порядок чердаки, подвалы, сараи, прачечную и двор, а затем поддерживали их «в надлежащем состоянии». Во многих случаях эта кампания себя оправдывала, хотя бы потому, что у жителей и работников жактов было мало надежды на помощь извне — районные жилуправления с восстановительными работами не справлялись. А иногда не очень — например, когда жильцы, ориентируясь на свои нужды, хаотично застраивали дворы личными дровяными сараями, вместо того чтобы устроить общую детскую площадку⁴.

С конца 1940-х гг. хозяйственные функции старых дворов все чаще входят в противоречие с идеей благоустройства. Теперь с официальной точки зрения обычные для двора хозяйственные объекты его *захламляют* и *мешают досугу*, в первую очередь детскому, а сама территория двора называется площадкой — даже застроенная сараями она как бы существует потенциально. Например, в справке по результатам обследования дворов комиссией содействия в 1949 г. сообщалось: «Особенно плохо в домохозяйстве № 24. <...> На I дворе площадка застрое-

¹ Кроме того, с 1946 г. вышло несколько сборников, где в качестве образцов для подражания публиковали рассказы членов комиссий содействия о своей работе [Восстановим наши жилища 1946; Загорный 1947; Опыт работы: 1948; Общественные комиссии содействия 1956].

² Санитарная, хозяйственно-финансовая, культурно-бытовая и комиссия содействия пожарной охране [Утверждение 1940; Жилищные законы 1947: 99–102]. По-видимому, в блокадном Ленинграде они перестали работать, т.к. в январе 1943 г. была создана одна санитарно-бытовая комиссия [Об утверждении 1943].

³ Точнее, используя не только свои силы и профессиональные умения, но и средства своих организаций. Например, кто-то из жильцов работал на заводе и мог договориться о бесплатной поставке нескольких листов кровельного железа, а кто-то — самостоятельно починить крышу. Вообще привлечение этого ресурса как государством, так и низовыми организациями заслуживает отдельного рассмотрения. В настоящее время эта практика по-прежнему распространена в российских общеобразовательных школах.

⁴ Несмотря на то, что индивидуальное строительство дровяников Исполком Ленсовета запретил еще в ноябре 1944 г. [О строительстве дровяников 1944].

на сараями, завалена дровами, к деревьям привязаны веревки и сушится белье. В уголке — жалкий столик со скамейками. Во II дворе вся площадка завалена углем, зелени нет никакой. В этой пыли и грязи гуляют дети из детского сада. <...> Хорошо, с душой сделана площадка в домохозяйстве № 28. Огорожена, озелена, посажены цветы, песочница с хорошим чистым песком. За площадкой следят ребята» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 12].

Для жильцов дело обстояло несколько сложнее. Как правило, собственно благоустройство двора воспринималось ими положительно, а кто-то и принимал в нем участие на субботниках и воскресниках.

Инф.-дворник: *Уже это, я работала, еще газ только копали. Еще газа не было, а только трубы проводили. Весь двор был вскопан. <...> Сарай во дворе стоял сначала. А потом уж сажать деревья стали. <...> И жильцы, и это... О! да еще и с песнями старушки! Ну пожилые. <...> Управхоз, домовый комитет¹ это всё организовали. И жильцы были сознательные, понимаете, сами выходили. <...> А тут, когда это самое, субботник или что, жильцы выходят — всё: и окапывают деревья, всё что-нибудь сажают, клумбы все делают. <...> Там у нас забор был, огорожено это, ну как-то, ребята катались. Там и кустики были. Потом летом песочницы, знаешь, эти ребяткишки (СПб-01, ПФ-36, жен., 1925 г.р.).*

Вместе с тем дровяные сараи были личным пространством во дворе, и не все жильцы были готовы его лишиться в пользу благоустройства общей территории, даже после проведения газа и центрального отопления. Тем более уничтожение сараев не казалось обоснованным в домах с печным отоплением.

Инф.: *Вот у нас сарайчик был у самого детского садика, так нас заставили снести. <...> Ну вот неприятно, что тут дети, что тут дрова носят². Не потому, что мы очень мешали, а просто не хотели да и все (СПб-04, ПФ-38, жен., 1918 г.р.).* Это понимали и власти и общественные организации и какое-то время пытались найти компромисс. Например, в 1957 г. на заседании комиссии содействия обсуждалось письмо из райисполкома, в котором предписывалось снести старые индивидуальные сараи, поскольку потребности в дровах уже не было. В это время по заданию райисполкома некий завод «п/я 821» строил новые стандартные сараи, которые должны были служить жильцам кладовками из расчета один сарай (3 кв. м) на три квартиры.

¹ В 1959 г. комиссии содействия были преобразованы в домовые комитеты [О преобразовании 1959], однако речь может идти и о событиях более раннего времени — информантка проработала дворником большую часть жизни.

² В этом доме было дровяное отопление до 1965 г.

На воскреснике. Фотохроника ЛенТАСС, 5 апреля 1959 г.
ЦГАКФФД № Ар 167299

Вместо того чтобы выполнить предписание, члены комиссии, будучи сами жителями дома, решили сохранить существующие сараи или хотя бы отсрочить их снос, т.к. новые показались им очень малы для хранения таких вещей, как «детские санки, лыжи, велосипеды, коляски, а так-же бочонки с капустой и др. непредусмотренные бытовые вещи». Комиссия недоумевала: «Для чего освобождаемая из-под сараев площадь Р.И.К. если сами проживающие в домоуправлении съёмщики не поднимают такого вопроса?!» — и главным аргументом в предстоящих переговорах с райисполкомом считала возможность сохранить старые сараи «без ущемления сада и игры детям» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Л. 11–12об].

По-видимому, столичные власти были в этом отношении жестче: постановление Мосгорсовета от 17 августа 1950 г. под угрозой штрафа и уголовной ответственности обязывало начальников райжилуправлений, управляющих домами и комендантов «сносить в домовладениях деревянные сараи в месячный срок по проведении газификации дома и переводе его на центральное отопление; после сноса сараев производить в месячный срок благоустройство территории»; а также сносить возведенные без разрешения сараи и другие строения, что еще раньше было вменено в обязанность органам милиции [О сносе сараев 1951: 122]. Впрочем, и в Ленинграде пытались бороться с самовольными постройками во дворах и требовали «производить дальнейшую застройку дровяных сараев и индивидуальных гаражей только на специально отведенных местах и по

типовым утвержденным проектам. Все построенные без разрешения дровяники и гаражи индивидуального пользования — снести, обязав застройщиков-владельцев сараев, своими силами, переделав их в течение 1949–1950 гг.» [ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 18. Л. 61]. Однако и через семь лет руководство того же Василеостровского района констатировало, что «[у]правляющие домоуправлениями допускают самовольное строительство гражданами дровяных сараев для содержания скота и использование их не по назначению. Допускается строительство сараев <...> не по типовым проектам, без соблюдения санитарных норм» [ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 159. Л. 48].

С делением территории двора на зону личных сараев и общее пространство соотносилось и гендерное зонирование. Дровяные сараи, поленницы, образованные ими проходы и закутки традиционно считались «мужской территорией», и в целом это пространство более активно осваивалось мужской частью общества. Там пили, матерились, забивали козла, справляли нужду дворовые мужички; мальчишки играли за сараями в «запретные игры»: в «деньги», в карты, в ножички; на дровах восседала верховодившая во дворе шпана и т.д. Наконец, родители могли запрещать играть среди дров и сараев малышам и девочкам. Иначе говоря, двор делился на открытую общую часть, находившуюся под контролем дворника, управдома, дворовых бабушек и жильцов дома в целом, и плохо просматриваемую «мужскую зону». Все дурное, опасное и наиболее привлекательное таилось во второй части, и именно там оседали и задерживались те явления жизни, которым не находилось места в публичном пространстве и которые в советском обществе следовало изжить. Таким образом, «освобождение дворов», к которому стремились власти, имело и другое значение — помимо сараев дворы следовало очистить от недостойных форм поведения и досуга, что стало особенно актуальным в послевоенное десятилетие. Сделать это нужно было путем окончательного обобществления дворов, уничтожения личных локусов, самовольных построек и прочих проявлений «индивидуализма», которые и виделись источником зла. Пространство дворов должно было стать «прозрачным», однородным, лишенным той неофициальной стратификации, которая возникала в процессе его адаптации жителями дома. И прокламируемая забота о детях становилась своего рода *орудием очищения дворов* во всех смыслах.

Перераспределение зон и функций дворового пространства, происходившее в эти годы, принимало разные формы. Например, блюстительницы порядка во дворе могли сломать стол доминошников, потому что он находился слишком близко к детской площадке. **Инф.-дворник:** *И вот эти мужчины играли*

в домино там — стол сделали. Так сломали! Женщины! Вытащили это самое: «Идите, мол, за дом, куда-нибудь вон за мусорные эти, ну где мусор сыпают, так идите туда». <...> Жильцы и две дворничихи, это они вот: «Давайте к чертовой матери! Тут ребяташки, мол, это самое, а они...» И сломали. И управхоз сказал: «Правильно. Давайте, идите туда, тут дети» (СПб-01, ПФ-36, жен., 1925 г.р.). В этом случае все, кажется, ясно: солидарность женского сообщества и домоводной администрации и приоритет детского досуга (с имплицитной отсылкой к официальной позиции) заставляют мужчин ретироваться на «задворки», где им и положено находиться в соответствии с «правильным» зонированием двора.

Интереснее другой пример. В 1957 г. жильцы одного домохозяйства на Васильевском острове на общем собрании жаловались на то, что «[в] прошлом году, начиная с вечерних часов и до глубокой ночи на [заднем] дворе собирались подростки и взрослые ребята. [Играли в волейбол, б]или в окна стекла мячом, в нетрезвом виде, играли в карты. Людям, живущим в этом доме, не было никогда покоя. С наступлением весны эти сборища начали возобновляться, и <...> пора это запретить». Параллельно обсуждался вопрос о детской и спортивной площадках, которые следовало организовать. В результате дворовые «хулиганы» незаметно превратились в «комсомольцев», и в заключительном слове председательствующий резюмировал: «Никто не оспаривает, что молодежи нужно дать возможность развлекаться полезно. Желательно, чтобы комсомольцы сами занялись этим вопросом, попробовали бы обратиться в Р.К. комсомола. <...> Нужно [им] помочь оборудовать спорт. площадку» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Л. 21—21об]. Организовать ее, правда, решили в другом дворе этого домохозяйства.

Действительно, городское начальство было не менее озабочено досугом молодежи и подростков, чем детей. Из доклада заведующей Гороно Е.Т. Федоровой, прочитанного для депутатов Ленгорсовета в 1948 г., явствует, что учеников средней школы нужно переместить из публичного пространства во дворы: «[Е]сли характеризовать дисциплину учащихся, и преимущественно мальчиков, на улице и в общественных местах, то правильно будет ее характеризовать как неудовлетворительную для значительной группы учеников, причем таких классов, как 3—4—5—6-ые. Это средний возраст учащихся, который и в школе в отношении дисциплины далеко не примерный и еще хуже на улице. <...> Надо создать в городе обстановку, при которой учащиеся могли бы время своего досуга, свои игры и забавы вынести с проезжей части улиц и с панели куда-нибудь в более укромное место, на площадку во дворе того дома, где они проживают. Поэтому решение Исполкома обязывает т. Мартынова

и председателей исполкомов районных советов обеспечить организацию как минимум 350 площадок при домохозяйствах и приводить в элементарный порядок дворы и пустыри, прилегающие к дворам, чтобы детям можно было сказать: “Не смей играть здесь, у тебя есть место для игры”» [ЦГА. Ф. 7384. Оп. 26. Д. 214. Л. 40–41].

С точки зрения городских властей, стремившихся выдворить с улицы детей и подростков, основным видом активного досуга, которым можно было их занять и отвлечь от хулиганства, были спортивные игры. Представление о роли спорта в поддержании как правопорядка, так физического и нравственного уровня советской молодежи было настолько значимым, что известной на весь район шпане могли простить откровенно противозаконные действия, если они оказывались в русле кампании по организации дворовых спортивных площадок. И сами нарушители успешно манипулировали теми, кто представлял официальную позицию. Например, из интервью с одним из зачинщиков:

Инф.: *И вот у нас во дворе-то была, ну в общем до сих пор площадка там эта. <...> Вот первый раз, где наше футбольное было, сараи-то убрали, короче, мы там сами расчистили все, ворота притащили, сетку так же натянули эту. Ну прямо с Кировского завода, ну там же полей пять или шесть. Специально срезали, как говорится, украсть украли тогда эту сетку, все сделали. А потом этот детсад [стали строить]! Ну нашу площадку-то, да где мы в футбол всегда играли! Мы когда там, вот они вечером положили этот фундамент, — вырыли это все. Наутро — все, чистота. Вот из-за чего там пришел этот квартальный. Ну они вырыли у нас все столбы, фундамент залили, эти кирпичи там — три или четыре раза. Утром приходят: как была наша площадка, так и есть, стоят [ворота] футбольные, ну поле полностью сделано. Где кирпичи — ничего нет, ни кирпичей, никакой. Вот они, ну сколько? Наверно они с год!¹ <...> Там ну стоит техника <...> колеса все перепротокали, это и говорить нечего. Квартальный вот Дерезда придет: «Ну чё?» — «Ну а чё, где будем в футбол-то играть?» Так он их потом заставил <...> сделали площадку [в другом месте], чтоб мы разрешили им там. <...> Там-то мы играли уже дай боже. Ну уже постарше стали, ты чё! (СПб-04, ПФ-51, муж., 1941 г.р.).*

¹ Вопрос о достоверности временного указания нерелевантен — понятно, что никакая дворовая группа не могла успешно сопротивляться государственной организации в течение года. Между тем показательна уже сама результативность действий подростков в контексте молодежной политики тех лет.

Этим спорам, конфликтам, поискам предназначения двора, различным способам его реорганизации и в целом разнообразию дворовой жизни суждено было вскоре закончиться. К 1967 г. практически все дома перевели на газ и центральное отопление, но уже к началу 1960-х большая часть города могла обходиться без дровяных сараев¹. Тогда же «Правила пользования жилищем» разрешили стирать в квартирах², соответственно, стали не нужны домовые (дворовые) прачечные; из актуальных хозяйственных объектов во дворах остались только мусорные баки. Жилищная политика, провозглашенная в постановлениях «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» (1956 г.) и «О развитии жилищного строительства в СССР» (1957 г.), и огромные по сравнению с довоенными темпы строительства изменили условия проживания людей. Значительная часть горожан переехала в отдельные квартиры в новостройках, жить в коммуналках центра стало просторнее, и двор перестал быть столь необходим горожанам как территория, восполнявшая тесноту их жилищ.

Еще во время войны в части домов исчезли ворота, и в последующее десятилетие дома и дворы в старой застройке постепенно перестают запираТЬ в ночное время³. В 1956 г. домоуправления были объявлены «устаревшей формой», порождающей недо-

¹ По данным статистического сборника «Ленинград за 50 лет», центральное отопление и газ были проведены соответственно к 1950 г. в 25 и 44 % жилых домов, к 1960 г. — 63 и 94 %, к 1967 г. — 94 и 97 % [Ленинград 1967: 135].

² Раньше это разрешалось только при отсутствии в доме прачечной — ср. «Правила» 1955 и 1962 гг. [Правила 1955; Правила 1962].

³ Раньше распоряжения центральных властей требовали запираТЬ на ночь ворота и калитки во дворы и входные двери домов. В инструкции НКВД 1922 г. было установлено время 24 часа [Инструкция 1922: 33], и Моссовет придерживался этого и в 1930-е, и в 1950-е гг. [О работе дворников 1938: 15; О благоустройстве 1951: 109; О содержании 1958: 692]. В Ленинграде время менялось: в 1935 г. двери и ворота следовало *запираТЬ* в час ночи [Дворники 1935: 7; Инструкция 1935: 5]; в 1938 — в полночь [Положение 1938: 7]; осенью 1939 г. потребовали держать входы *открытыми* с 6 утра до часа ночи [О содержании 1939: 5]; но уже весной 1941-го ворота во двор должны быть *постоянно закрыты*, а наружные двери домов и калитки во дворы *запираТЬся* в «установленное время» [Положение 1941: 8]. Во время блокады все входы были *открыты* с 6 до 22 часов [О содержании 1941: 4] и с 6 до 23 часов [О содержании 1942: 5]. Некоторое постоянство наблюдается только с 1944 г., когда Ленсовет требует держать двери, калитки и ворота *открытыми* с 5 утра до часа ночи [Правила 1945: 4; Правила 1949: 10; Правила 1952: 5]. Правда, в 1947 г. власти обнаружили, что «во многих домах <...> ворота и парадные входы в ночное время остаются открытыми» и обязали председателей райисполкомов «обеспечить *закрытие* в ночное время всех ворот, калиток и дверей парадных входов, проведя весь необходимый ремонт ворот, ограждений, дверей и замков к ним» [Об улучшении 1947: 10]; в 1954 г. снова потребовали держать парадные и калитки *закрытыми* с часа ночи до 5 утра, а ворота *постоянно запертыми* [Правила 1954: 2]. В реальности, судя по материалам интервью, в старой части города дворники запирали дворы и парадные в 11 вечера; в послевоенное десятилетие эта практика сохраняется только в части домов и к середине 1950-х окончательно уходит. С 1957 г. в решениях Ленсовета запираНИЕ входов в дома и дворы больше не упоминается, что, очевидно, связано с перемещением управдомов и дворников и жилищные конторы.

статки в жилищном хозяйстве, и в ближайшие два года вместо 1182 домоуправлений сделали 225 жилищных контор [О ликвидации 1956; О мерах 1960: 3]. Дворники, техники и управдомы переместились туда и перестали быть в домах *своими* — безусловно приоритетной для них стала связь с жилуправлением и администрацией района, а не с жильцами, значит и официальная позиция. В результате дворы старой застройки, которым прежде были присущи свойства защищенности и безопасности, где сушилось *свое* белье, хранились *свои* дрова, разводили *своих* голубей и пр., становятся *общими*, а значит ничьими.

В июле 1959 г. Исполком Ленгорсовета опубликовал решение «О мерах по дальнейшему благоустройству города Ленинграда», в котором сообщалось, что наряду со значительной работой, проделанной гор- и райисполкомами, «в благоустройстве и внешнем оформлении города имеются серьезные недостатки. <...> Дворовые и внутриквартальные территории в большинстве районов находятся в неудовлетворительном состоянии. <...> В районах сплошной теплофикации и в домах, переведенных с печного отопления на центральное, дворовые территории медленно освобождаются от дровяных сараев и остатков дров, что препятствует их благоустройству. [И далее:] В целях дальнейшего улучшения благоустройства и санитарного состояния города Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся решает: <...> Обязать исполкомы райсоветов, Жилищное управление и руководителей предприятий и организаций, имеющих в своем ведении жилые дома: а) произвести в течение 1959–1960 годов снос дровяных сараев и уборку дров во дворах всех домов, имеющих центральное отопление. Во дворах остальных домов перенести сараи на такие участки, на которых они в меньшей степени загромождают дворовые и внутриквартальные территории; б) шире развернуть устройство садов и детских площадок на внутриквартальных участках, объединяя их путем сноса ненужных оград и заборов, разделяющих кварталы на дворы» [Решение 1959: 4, 6–7].

Наконец наступило время, когда мечты 1920-х гг. могли быть претворены в жизнь. Поскольку старые дворы следовало благоустроить «по типу кварталов новой застройки», с переходом к жилконторам их реконструировали — снесли заборы, разделявшие дворы разных домов, а в 1960–1970-е, в эпоху капитальных ремонтов, и некоторые каменные дворовые постройки. В результате в городе значительно возросло количество проходных дворов¹, но и остальные фактически стали публичным и, без-

¹ Еще в 1947 г. власти требовали перекрывать появившиеся в блокаду (из-за уничтожения заборов и деревянных построек) проходные дворы [Об улучшении 1947: 10–11].

Общий вид детской площадки в одном из кварталов
Московского района Ленинграда.
1950-е гг. Архив ЦГА КФФД. Бр 35763

условно, общим пространством. На фоне активной дворовой жизни предшествующих лет лишенные сараев, поленниц, голубятен и т.п. новые благоустроенные дворы выглядят удивительно безлюдными.

В благоустроенных кварталах полагалось кататься с горки, лазать по лесенкам, играть в мяч, копаться в песке, просто сидеть на лавочке — пожалуй, и все. Гораздо реже встречались волейбольные площадки и залитые зимой катки. Зато столики из дворов убрали, чтобы не провоцировать выпивку и не привлекать мужские компании с «неподходящими» формами досуга. За неимением сараев и закутков любители выпить могли устроиться по вечерам под горкой или в детской беседке. Правда, с 1959 г., когда организовали ДНД [Об участии 1959]¹, дружинники отлавливали нетрезвые компании и в их собственных дворах. Занимались благоустройством теперь не свои управдомы и дворники и не жильцы, а некто безличный и «справедливый» в распределении благ: если в одном дворе была горка, то в другом песочница, а в третьем просто скамейки — дворы общие, выбирай любой. В новой застройке тоже происходили изменения: на смену периметральной планировке кварталов

¹ И здесь Ленинград оказался впереди — первые добровольные народные дружины были сформированы годом ранее на нескольких предприятиях города для охраны общественного порядка.

пришли так называемые «групповая», «строчная», «свободная» и др., создававшие лучшие условия инсоляции, проветривания, защиты от шума и пыли улиц и т.п., но далеко не всегда образующие пространства, которые соответствовали бы представлениям горожан о дворах¹ («Там как таковых дворов не было» — СПб ПФ7, муж. 1932 г.р.).

Итак, городские дворы утратили хозяйственные объекты, а вместе с ними личные территории жильцов и локусы дворовых групп, лишились собственных дворников. Соответственно, исчезли многие связанные с двором хозяйственные практики и формы досуга, которые успели сложиться за предшествующие сорок лет. Пространство было переструктурировано, и преуспели в этом не жители, для которых двор перестал быть «своим» в прежнем смысле, а городские власти. Собственно вряд ли могло быть иначе. Благоустройство как составляющая цивилизованного образа жизни является общепризнанным благом; комфорт и хорошие санитарные условия, которые оно обеспечивает, не нуждаются в мотивировках. Преимущество здорового и безопасного досуга детей и взрослых в благоустроенном дворе перед тяжелыми дровяными работами и сомнительными развлечениями на грязных задворках тоже очевидно всем. Другое дело, что в советском обществе все положительные преобразования соотносились не просто с современными («передовыми»), но с коллективными формами быта. Благоустройство дворов не мыслилось без их обобществления, да и сами мероприятия планировалось проводить коллективно, силами жильцов. В то же время причиной неблагоустроенности или нарушения порядка (в разных смыслах) всегда оказывались самочинные действия и проявление индивидуализма². Борьба с ними обостряется в послевоенные годы и принимает разные формы: например, в домах с дровяным отоплением власти города требуют перестраивать «самовольно возведенные» сараи на « типовые ». Общегородской стандарт на сарай действительно существовал, однако в целом стандартизация как составляющая коллективного быта в это время еще могла оставаться в рамках одного двора.

Первоначально усилия властей были направлены на то, чтобы сформировать коллектив жильцов в каждом домохозяйстве. Благоустройство дома и двора, находившихся в пользовании

¹ И уж во всяком случае оставлявшие открытым вопрос о границах своего двора — чем, в том числе, объясняются ставшие обычными для новых районов молодежные групповые конфликты.

² Так, при разборе коллективных проступков любого рода всегда искали главного зачинщика и стремились определить индивидуальную вину каждого, тогда как достижения не только могли, но и должны были оставаться коллективными.

и на ответственности этого коллектива, было рассчитано на жителей дома и предполагало их активное участие. Однако возможности контролировать сам процесс у властей не было — ни введение домкомов и жилищных товариществ, ни ограничения прав «нетрудовых элементов» и «бывших» (в первую очередь бывших домовладельцев), ни борьба с безхозяйственностью, нечистоплотностью или хулиганством не создавали «домов социалистического быта». Относительно небольшие коллективы жильцов в каждом доме вырабатывали свои практики и формы досуга, предпочитавшиеся наиболее активными завсегдаями двора (причем часто не теми, на кого рассчитывали власти). В результате «индивидуализм» не был побежден, а как бы переместился на уровень дворовых сообществ. Несмотря на то, что действия городских властей по укрупнению домохозяйств мотивировались экономическими причинами, в них, как и в создании квартально-уличных комитетов, можно увидеть ответные попытки перейти на следующий уровень «коллективизации по месту жительства». Очевидно, что в этом отношении они оказывались безрезультатны: актуальность имело только сообщество жильцов одного дома, сплоченное совместным бытом, повседневными нуждами и знанием людьми друг друга.

Организация жилищных контор и перемещение туда всех домовых работников стало не просто изменением формы управления и хозяйствования — потеряв с ними непосредственную связь, утрачивал значение коллектив жильцов, который теперь для городских властей оказался слишком мал и начал мешать процессу стандартизации дворов как общегородского пространства. Благоустроенные, дворы снова обрели очевидность назначения и прагматики, и на этом, казалось бы, диалог двух сторон завершился. Точнее, он принял другие формы — например такие, которые представлены в карикатуре журнала «Крокодил» 1960 г. (№ 15. С. 8).

Рисунок Б. САВКОВА.

Начали строить.

Построили.

Полгода спустя.

Список сокращений

ЦГА — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Архивные материалы

- ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 18. Исполком Василеостровского районного Совета г. Ленинграда. Доклады и справки о деятельности Исполкома райсовета о восстановлении, развитии и благоустройстве района в 1948–1949 гг.
- ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 158. Исполком Василеостровского районного Совета. Материалы проверок и обследований постоянной комиссии по благоустройству и коммунальному обслуживанию (докладные записки, справки). 1955–1957 гг.
- ЦГА. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 10. Благоустройство и санитарное состояние Ленинграда. Доклад Гороткомхоза на Большом Президиуме Ленинградского Совета 18 мая 1929 г.
- ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Исполком Свердловского районного Совета депутатов трудящихся Ленинграда. Материалы о работе общественных комиссий содействия домохозяйствам с детьми (протоколы, докладные записки и сведения). Январь–июнь 1949 г.
- ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Исполком Свердловского районного Совета депутатов трудящихся Ленинграда. Протоколы заседаний комиссий содействия домохозяйствам. 2 марта 1957 г. — 8 декабря 1959 г.
- ЦГА. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 993. Ленсовет депутатов трудящихся. Протоколы заседаний. 1939 г.
- ЦГА. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1414. Ленсовет депутатов трудящихся. О проведении работ по благоустройству домохозяйств гор. Ленинграда в 1941 году.
- ЦГА. Ф. 7384. Оп. 26. Д. 214. Ленсовет депутатов трудящихся. Стенограммы докладов, прочитанных начальниками отделов и управлений ЛГИКа депутатам в 1 квартале 1948 г.

Библиография

- Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому Градоначальству и Полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг. / Сост. И. Высоцкий. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1902.
- Баранова О.* Нешкольная история: сибирский город-сад / Сост. И. Щербакова // Стенгазета. 2005, 26 дек. <<http://www.stengazeta.net/article.html?article=874>>.
- Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура конца XIX — начала XX века. М.: Наука, 1971.
- Бродович Н.С., Кругляков Ю.Г.* Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. Л.: НИИКХ, 1937.
- В-ов М.* К децентрализации столичного населения // Домовладелец. 1908. № 1. С. 7–11.

- Восстановим наши жилища. Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств города Ленинграда. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1946.
- Герцештейн Г.* Где и как ютится петербургская беднота // Северный вестник. 1898. № 1. С. 113–133; № 3. С. 132–155.
- Гоуард Э.* Города будущего / Пер. с англ. А.Ю. Блох. С предисл. авт. и переводчика к рус. изд. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911.
- Гранин Д.А.* Керагаз и все другие. Ленинградский каталог. М.: Центр-политграф, 2003.
- Дадонов В.* Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1913.
- Дворники (ночные сторожа) // Правила внутреннего распорядка в домохозяйствах Ленжилтреста. Л.: Лит. Гипромеца, 1935. С. 4–14.
- Де-Плансон В.* Социалистическое благоустройство городов // Коммунальное дело. 1923. № 9–10. С. 46–50.
- «Домовладелец». Настольная справочная книга и календарь на 1915 год: Для Г.г. домовладельцев, управляющих домами, чинов полиции и для всякого городского обывателя. С приложением всех необходимых форм и указаний соответствующих статей закона / Собр. И.А. Сеглин. Пг.: Тип. А.Н. Лавров и К°, 1915.
- Жилищные законы. Сборник важнейших законов СССР и РСФСР, постановлений, инструкций и приказов по жилищному хозяйству. По состоянию на 1 мая 1946 года / Сост. Т.Д. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Мин-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1947.
- Загорный Н.* Актив домохозяйств Ленинграда. Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1947.
- Зеленко А.У.* Современная планировка и проектирование жилых кварталов в санитарно-гигиеническом, культурно-бытовом и архитектурном отношениях // Жилой квартал: Сб. трудов. Доклады и постановления научной конференции по санитарно-гигиеническим вопросам планировки, застройки и реконструкции). М.: Изд-е ГЦНИИКСГ, 1938. С. 92–113.
- Инструкция для дворников и ночных сторожей в Ленинграде // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1935. № 1. С. 3–7.
- Инструкция об обязанностях дворников // Жилищный справочник для жилтовариществ, управдомов и комендантов зданий / Под ред. С.В. Рубен. Л.: Изд-во Губкомпома при Лен. Губисполкоме, 1924. С. 32–34.
- Келли К.* Столица, двор, коммуналка: детский быт Санкт-Петербурга–Ленинграда первой половины XX века // *Pietroburgo, capitale della cultura russa = Петербург столица русской культуры.* Salerno: Univ. di Salerno, Dip. di studi ling. e lett., 2004. Т. 2. С. 407–432. (Collana di Europa Orientalis 5).

- Кириков Б.М., Штиглиц М.С.* Архитектура ленинградского авангарда: Путеводитель / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб.: Коло, 2008.
- [*Клейгельс 1897*] Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции / Сост. по распоряжению г. С.-Петерб. градонач. ген.-майора Н.В. Клейгельса врачами Петерб. столич. полиции при участии и под ред. ст. врача И. Еремеева. 1897 г. СПб.: Тип. Ломковского, 1897.
- Ковалевский Г.П.* Большой город и города-сады: Пособие для деятельности по городскому и земскому делу и студентов / С предисл. и под ред. проф. Г.Д. Дубелира. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К° в Киеве, 1916.
- Косенкова Ю.Л.* Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования: Сб. науч. трудов НИИ-ТАГ РААСН. Вып. 2. М.: УРСС, 2010. С. 335–351. Эл. версия: <http://niitag.ru/files/editor/inf_kosenkova_article_gradisk.pdf>.
- Кругляков Ю.Г.* Планировка кварталов капитального строительства // Планировка и застройка кварталов: Сб. статей. Л.; М.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1939. С. 5–77.
- Ленинград за 50 лет: Стат. сборник. Л.: Лениздат, 1967.
- Меерович М.Г.* Рождение и смерть советского города-сада // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 117–165. Эл. версия: <<http://agency.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462&fl=5&sl=1>>.
- На корме времени: Интервью с ленинградцами 1920-х — 1930-х годов / Под общ. ред. М. Витухновской. СПб.: Журнал «Нева», 2000.
- Нелюбов Н.С.* Обзор деятельности общества «Детский городок Петроградской части» 1910–1915 гг. Летняя площадка — Зимний городок / Сост. Н.С. Нелюбов. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1916.
- О благоустройстве домовладений // Справочник управляющего домом. М.: Московский рабочий, 1951. С. 107–111.
- Об организации общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1945. № 16. С. 7–9.
- О борьбе с нарушениями детьми правил уличного движения // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1933. № 40. С. 5.
- О борьбе с хулиганством в квартирах // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1935. № 35. С. 5–6.
- О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1935. № 27. С. 1–3.
- О ликвидации домоуправлений и организации жилищных контор в Октябрьском районе гор. Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1956. № 13. С. 3.
- О мерах борьбы с уличной безнадзорностью и хулиганством детей и подростков // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1937. № 43. С. 3–4.

- О мерах по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности и улучшению обслуживания детей в городе Ленинграде // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 19. С. 5–7.
- О мерах по улучшению работы среди детей вне школы и предупреждению детской безнадзорности // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1958. № 2. С. 10–14.
- О мерах по улучшению эксплуатации и сохранению жилищного фонда Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1960. № 5. С. 3–20.
- О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью и хулиганством // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1939. № 24. С. 9–11.
- О неотложных мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1946. № 18. С. 8–10.
- О переводе печного отопления на уголь в 1946 г. // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1946. № 21–22. С. 8.
- О предупреждении детского уличного травматизма // Бюллетень Ленинградского Совета РК и КД. 1938. № 26–27. С. 7.
- О преобразовании общественных комиссий содействия работе жилищных контор и домоуправлений в общественные домовые комитеты // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1959. № 24. С. 1–2.
- О работе дворников // Домовое хозяйство: Сб. постановлений и инструкций. М.: Жил. управ. Моссовета, 1938. С. 12–15.
- О работе общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств в гор. Ленинграде // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1948. № 13. С. 1–2.
- О сносе сараев в газифицированных домовладениях, имеющих центральное отопление // Справочник управляющего домом. М.: Московский рабочий, 1951. С. 121–122.
- О совместной работе жилищных и санитарных органов в области жилищного строительства и использования жилищ // Бюллетень НКВД. 1924. № 37. С. 177–178.
- О содержании домовладений г. Москвы // Жилищные законы: Сб. важнейших законов СССР и РСФСР, постановлений, инструкций и приказов по жилищному хозяйству. По состоянию на 1 ноября 1957 года / Сост. Т.Д. Алексеев. М.: Изд-во Мин. коммун. хоз-ва РСФСР, 1958. С. 691–693.
- О содержании и уборке улиц, дворов и домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1939. № 55. С. 2–5.
- О содержании и уборке улиц, дворов и домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1941. № 41–42. С. 1–4.
- О содержании и уборке улиц, дворов и домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1942. № 21–22. С. 3–5.
- О строительстве дровяников // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 22. С. 7.

- Об охране общественного порядка в гор. Ленинграде // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1934. № 26. С. 1–2.
- Об укреплении общественного порядка и безопасности в городе Ленинграде. 1949. № 14. С. 1–3.
- Об улучшении охраны жилых домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1947. № 11. С. 10–11.
- Об усилении борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1952. № 7. С. 5–7.
- Об усилении мер борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1948. № 4. С. 7–9.
- Об усилении мер борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1950. № 8. С. 1–2.
- Об утверждении положения о работе санитарно-бытовых комиссий при домоуправлениях г. Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1943. № 1–2. С. 6–7.
- Об участии местных органов коммунального хозяйства и союзов жилищной кооперации в деле организации зимней работы по физической культуре среди детей и подростков // Бюллетень НКВД. 1930. № 2. С. 28–29.
- Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.03.1959 // Собрание постановлений правительства СССР. 1959. № 4. С. 73–79.
- Общественные комиссии содействия при домоуправлениях (Из опыта работы общественных комиссий содействия при домоуправлениях г. Москвы). М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1956.
- Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств города Ленинграда. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1948.
- Пажитнов К.Н.* Экономический очерк Петербурга // Петербург и его жизнь. С планом С.-Петербурга. СПб.: Жизнь для всех, 1914. С. 39–71.
- План Ленинграда. Л.: Лениздат, 1939. 1 л. 61 x 81. Масштаб 1:30 000.
- План Ленинграда с указателем. Л.: Гос. картогр. ин-т, 1927. 1 л. 64 x 65. Масштаб [прибл.] 193 м в 1 см.
- Покровская М.И.* О жилищах петербургских рабочих // Вестник общественной гигиены. 1895а. Январь-март. Т. 25. Кн. 2. С. 241–259.
- Покровская М.И.* О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. С. 19–38 (2-я паг.).
- Покровская М.И.* По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1903.
- Покровская М.И.* Способы улучшения жилищ низшего класса петербургского населения // Новое слово. 1895б. № 3. С. 23–60.
- Положение о дворниках и ночных сторожах // Бюллетень НКВД. 1925. № 15 (155). С. 131–133.

- Положение о правах и обязанностях дворников // Постановления и распоряжения Ленинградского Совета РК и КД и его отделов. 1938. № 48. С. 5–8.
- Положение о работе дворников // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1941. № 21–22. С. 7–9.
- Поляхин Н.* Детская площадка как важный фактор борьбы с беспризорностью // Призрение и благотворительность. 1916. № 10. С. 987–996.
- Постановление Совета Министров РСФСР № 686 о работе общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств в гор. Ленинграде // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. 1948. № 7. С. 187–189.
- Правила внешнего благоустройства // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1954. № 20. С. 1–6.
- Правила внешнего благоустройства гор. Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1949. № 17. С. 7–10.
- Правила внешнего благоустройства города Ленинграда, Колпино, Пушкина, Петродворца, Сестрорецка и Зеленогорска // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1952. № 5. С. 2–8.
- Правила пользования жилищами. М.: [Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР], 1962.
- Правила пользования и содержания жилого помещения. [М.]: Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1955.
- Правила содержания и уборки улиц, дворов и домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 20. С. 6–8.
- Правила содержания и уборки улиц, дворов и домов // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1945. № 23. С. 1–4.
- Протапов Д.* О необходимых мерах по жилищному вопросу: Доклад Одесскому Съезду Городских Деятелей // Городское дело. 1910. № 20. С. 1389–1398.
- Р.* Воздухоо свежение домов // Домовладение и городское хозяйство. 1911. № 3. С. 4–5.
- Решение Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся «О мерах по дальнейшему благоустройству города Ленинграда» // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1959. № 16. С. 1–16.
- Рубель А. Н.* Жилища бедного населения г. С.-Петербурга. [СПб.]: Тип. Мин-ва вн. дел, [1899].
- Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб.: Гиперион, 1998.
- Суворин А. А. (Алексей Порошин).* Новые дома. Как построить дома со «своими» квартирами людям малоденежным и безденежным? Пг.: Новый человек, 1915.
- Устав Общества Городов-Садов // Городское дело. 1914. № 2. С. 122–125.
- Утверждение положения о работе общественных комиссий в домохозяйствах // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1940. № 36–37. С. 3–4.

Хроника: Петербург // Зодчий. 1913. № 34. С. 372.

Шафран В. Жилищное строительство в Ленинграде // Коммунальное дело. 1928. № 9. С. 95–97.

Эрисман Ф.Ф. Санитарное состояние подвальных жилищ в Петербурге // Известия Московской городской Думы. 1880. Вып. 14. С. 5–33 (2-я паг.); Вып. 15. С. 5–27 (2-я паг.).

Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987.